

но думаем, что лицо его достаточно ясно читателям. Перед нами ценное начинание, группирующее, однако, лишь старых цеховых, или цехом признанных ученых-историков. «Время для жатвы давно наступило, может быть недалеко уже и жницы», читаем мы в статье Тарле. Они идут и выведут историю из ее кризиса, вооруженные марксизмом. Но для успеха жатвы прежде всего требуется уничтожить цеховую исключительность историков...

Будем надеяться также, что в дальнейших номерах журнала найдут место и самостоятельные работы русских ученых за годы войны и революции.

Ц. Фридлянд.

ИЗДАНИЯ В. И. АНИСИМОВА ПО КНИЖНОМУ ДЕЛУ.

1. Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России. Пгр. 1920 г. 94 стр.
2. Краткий конспект по печатанию с плоских стереотипов. Пгр. 1921 г. 40 стр.
3. Гравирование цветных офортов и эстампов. Пгр. 1922 г. 96 стр.
4. Книжный переплет. Пгр. 1921 г. 94 стр.
5. Стереотипное дело. Пгр. 1922 г. 164 стр.

С какой бы точки зрения ни рассматривать современную эпоху,—нельзя не признать, что основное ее достижение заключается в мощном развитии коллективного творчества, руководимого коллективным разумом и коллективной волей. Особенно ярко это положение выявляется в области крупной индустрии. И, пожалуй, одна из наиболее ярких показательных областей, где особенно выпукло бросаются в глаза преимущества коллективного творчества,—область книгопечатания, играющая в жизни современного человечества столь выдающуюся роль.

В нашем деле—как нигде—искусство и техника, соединившись в тесный союз и пользуясь услугами—в каждом отдельном предприятии—сотен менее и более заметных специалистов-техников и рабочих, совершают чудеса, и об этом приходится подчеркнуто напомнить, ибо широкая публика, любящая хорошо изданной книгой или читая газету, не подзревает, какая масса людей принесла—каждый свою долю—труда, чтобы создать эти несколько страниц с напечатанными на них буквами.

И отдельный индивидуум, даже обладающий выдающимися способностями, в области издательской техники без помощи коллектива не может шага сделать; его труд растворяется, как незначительная частичка, в массе труда сотен товарищей. При этих условиях приписывать их заслуги себе,—значит игнорировать сознательно—что еще хуже—или бессознательно их личность и их права.

Тем резче и неприятнее выделяются аномалии в этой области. В особенности, если они не оправдываются выдающимися талантами того или другого лица.

Нам приходится говорить все это — и пора это сказать — вот по какому поводу.

Книжное дело в России в XX веке поднялось на должную высоту; мы в праве были гордиться перед европейскими странами красотой наших изданий; и в особенности были основания для гордости у типографии Голике и Вильберг в Петрограде, ибо почти все, носившее печать истинной красоты, было помечено знаком этой типографии, бывшей рядом с типографией „Сириус“ вне конкуренции.

И, конечно, теперь особенно важно было бы выявить коллективную заслугу тех многих сотен рабочих и служащих, которые, объединившись в этом предприятии, создали ему заслуженную славу перед лицом всего культурного мира.

Оказывается, однако, другое: с прошлого года на всех изданиях, выходящих из этой типографии, мы видим штамп: „Напечатано под наблюдением В. И. Анисимова“; эта вывеска приобретает характер назойливости, невиданной в истории книгопечатания; становится до боли обидно за лучшее графическое предприятие России: стерт его подлинный лик, забыты сотни рабочих и служащих, — всех их покрывает В. И. Анисимов.

Такое указание на книгах — не новость: оно обыкновенно фигурировало на изданиях, — не с такой надоедливостью, конечно, — когда какой-либо талантливый мастер, придя в плохую типографию, ухитрялся создавать шедевры. Но здесь картина обратная, как увидим ниже.

Не стоило бы об этом говорить, еслибы одновременно В. И. Анисимов не использовал этой (ныне 15-й государственной) типографии еще в другом направлении: в течение 2 лет он выпускает пять отдельных книг, ставя на них свое имя уже не как „наблюдателя“, а как автора. Ни один ученый в Советской России не может похвалиться таким внимательным отношением к его трудам, — а о роскоши издания говорить не приходится: в этом отношении автор не стесняется. Лучшая роскошная, которой у нас почти нет, бумага, печать в много красок (даже текст в две краски), и по две обложки на „Книжном переплете“ и „в Стереотипном деле“, из которых одна, печатанная золотом, совершенно ненужна, но зато выходит пышно и величественно.

И ныне из анонсов мы узнаем, что нам угрожает выпуск еще нового „сочинения“ Анисимова — по типографскому делу — в тридцать (!) печатных листов.

Не останавливаясь подробно на изданиях с „маркой“ В. И. Анисимова, скажем лишь, что их красота обуславливается, конечно, прекрасным подбором рабочих и служащих 15-й Государственной типографии и декорированием талантливых художников, как Лео, Митрохин, Добужинский. Если В. Анисимов дает что либо от себя, то дает он все-таки чужое, подражая немецким образцам определенно мещанского

типа, безвкусным и положительно угрожающим свести на-нет репутацию 15-й типографии.

Его „сочинения“ пользуются столь исключительным вниманием—его вниманием. В них мы увидим, насколько обосновано его невероятное афиширование, с одной стороны, и наше раздражение—с другой.

Кое-что о них уже говорилось в библиофильских кругах и почти ничего—по существу—кроме двух небольших заметок проф. А. А. Сидорова в „Печати и Революции“ не печаталось.

Прежде всего поражает бесцеремонность В. И. Анисимова: все его книги являются кое-как составленной компиляцией по немецким источникам, но он их определенно выдает за свои.

Так, „Гравирование цветных офортов“ есть компиляция, а порой буквальная перевод (указание проф. А. А. Сидорова) работы Preissig: „Zur Technik der farbigen Radierung...“, Leipzig 1909.

„Книжный переплет“—компиляция из нескольких немецких источников, причем отдельные куски переводов даже не согласованы между собой; сравните, напр., стр. 36 и 40, 37 и 42.

„Стереотипное дело“—и „Конспект“—компиляций из книги: Carl Kompé. Papierstereotypie. Wien. 1906.

На несчастье В. И. Анисимова, в последних двух случаях он пользовался трудами немецких шовинистов, и это выдает его с головой: на каждом шагу в его книгах—возвеличение Германии; напр., в книжном переплете Германия—как всем известно—давала ремесленную бесвкусицу; стереотип изобретен англичанами и французами; но по В. Анисимову—вернее, по его немецким источникам выходит „совсем наоборот“: все лучшее—из Германии.

Однако, это не самый большой грех В. И. Анисимова; хуже его незнание предметов, о которых он пишет, и это незнание, в исторической части, носит совершенно анекдотический характер.

Перепутываются, напр., целые эпохи и века; в „Кратком очерке“ оказывается, (стр. 12), что латинский и славянский (!) алфавиты „возникли“ во „второй половине X века до Р. X.“; по „Стереотипному делу“—на стр. 16—стереотипия изобретена в начале семнадцатого века, т. е.—„около 1700 года“. Но далее оказывается, что ее изобретение надо относить то к средним векам (стр. 15), то к концу 18 века (стр. 19).

Этих примеров, пожалуй, достаточно.

Не лучше обстоит дело и с именами. Напр., знаменитые венецианские издатели Альды именуются „Альдинами“—в „Кратком очерке“ стр. 25; в „Книжном переплете“ известная парижская переписная фирма Trautz—Bauchonnet превращается: на стр. 34—в Базоннеса, стр. 36—Bauchonnet, и тут же оказывается, что Трауц был зятем другого известного переплетчика Purgola, тогда как, на самом деле, он зять Безонне, откуда и название фирмы. А крупнейший совре-

менный переплетчик, написавший два больших и весьма известных тома о переплетном искусстве, Мариус Мишель, превращается в двух лиц (стр. 42).—Иосиф Флавий оказывается „европейским историком Юсефусом“ („Краткий очерк“ стр. 7.).

Не лучше и язык, на котором пишет В. Анисимов. Где немецкий текст переведен дословно—там тяжелые, порою совершенно непонятные фразы; где автор выходит на самостоятельный путь—там неграмотности нагромождены одна на другую; так, благодаря изобретению книгопечатания „ученые разных стран и времен образовали собою новое общество, независимое от политических соотношений и х отечества“ („Краткий очерк“, стр. 27); „гипсовая стереотипия требует очень много приемов в работе, для производства которых в настоящее время не имеется в распоряжении типографа“ (стр. 60 „Стереотипного дела“). Чего не имеется—неизвестно. „Под выражением гравирование эстампов подразумеваюся такие произведения“ („Гравирование офортвов“, стр. 12). Изобретательные искусства превращаются в „образовательные“, и „на вершине“ их „находились такие бессмертные художники, как Рафаэль и Микель - Анджело“. („Книжный переплет“ стр. 27).

Мы бы не упрекали В. И. Анисимова за безграмотность, если бы он сам не выдавал себя в своих книгах за многолетнего специалиста по издательскому делу, относясь весьма резко к лицам, писавшим на те же темы (см., напр., предисловие к „Стереотипному делу“).

Наконец, корректура—ужасна: нельзя узнать 15 типографии. Знаки препинания стоят в хаотическом беспорядке, но если принять во внимание, что В. Анисимов читает корректуру сам—то честь 15 типографии остается незапятнанной.

Внутреннее содержание? Из такой массы написанного, конечно, можно извлечь что-нибудь полезное; но количество промахов и недостатков таково, что лицу, незнакомому с делом, этих книг давать нельзя, чтобы не получилась потеря всякого интереса к этой столь богатой и разнообразной области человеческих знаний; для специалиста книги эти являются только курьезом.

Каково, напр., не-специалисту узнать, что „вплоть до второй половины девятнадцатого века в переплетном деле чувствовался упадок... Книгопечатное искусство—значительно упало с былой высоты; книги печатались на плохой бумаге, плохими шрифтами и бескусно издавались“, (стр. 35 „Книжного переплета“), когда как-раз столетие до половины девятнадцатого века дало лучшие по красоте и совершенству издания лучших переплетчиков,—и за границей, и в России,—что известно не только специалистам книжного дела, а любому культурному человеку.

Или—распространение книгопечатания по Европе связано со смертью Фуста (1467 г.), тогда как еще в 1462 г., после взятия Майнца Адольфом Нассауским, рабочие из типогра-

фии Фуста и Шеффера разбрелись по Европе и разнесли по разным странам тайну книгопечатания.

Или—„...опыты делались... Фирменом Дидо, но все они ничего общего со стереотипией не имели“—на стр. 22 „Стереотипного дела“, а на следующих страницах оказывается наоборот,—именно семья издателей Дидо интенсивно использовала стереотипию.

Или—в „Кратком очерке“: у славян „во второй половине девятого века является в друг собственная азбука“; „делая соразмерную посылку на все, можно подумать, что тогда-то был золотой век образованности“ (эта классическая фраза—про Московскую Русь XVI века).

И т. д., и т. д. Такие примеры можно приводить без конца, но и сказанного более чем довольно, чтобы видеть, что мы имеем дело с не совсем грамотным диллетант-компилятором, какие в былое время поставляли на лубочный рынок негодную макулатуру и, чтобы решить беспристрастно оправдывается ли издание этих книг вообще, и в 15-й типографии—гордости нашей—в особенности, и притом с роскошью—хотя и безвкусной,—далеко превосходящей наши возможности даже для выдающихся сочинений.

В конце 18 века, в д. Рузаевке Пензенской губ., полубезумный рязанский губернатор Н. Струйский завел собственную типографию, где печатал свои сочинения, главным образом, оды в честь Екатерины II. Книги эти иллюстрировались лучшими художниками и граверами, и Екатерина II хвасталась перед европейскими писателями внешностью этих книг; внутреннее содержание—ниже всякой критики.

С тех пор прошло много больше столетия. Тем более удивительно, что опыт повторяется; но приспособлена для него не деревенская типография, а лучшее графическое учреждение России, и леть расточается (см. во многих местах указанных книг) не по адресу венценосной самодурши, а по своему собственному.

Не пора ли вернуть столь заслуженному коллективу рабочих и служащих—лучшей в стране типографии—узурпированные у него права и дать ему возможность вместо анисимовской макулатуры выпускать с прежним, поражавшим специалистов Европы, вкусом действительно нужные государству издания.

М. Щелкунов.

Типографский Календарь на 1922 г. Под редакцией И. Д. Галактионова. СПб. Госуд. Издательство. 1922 г. Стр. 240 и приложения.

Литературе на русском языке по истории графики исключительно не везет; со дня введения книгопечатания в Москве при Иоанне Грозном и до настоящего времени не появилось у нас ни одной книги русского автора, где бы можно было найти в после-